

2. Красовский, А. Гражданская архитектура. Части зданий. / А. Красовский. – Санкт-Петербург, 1851. – 463 с.
3. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 51901. – Л.2.
4. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо – Западного края / П.Н. Батюшков – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – 640 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ УПРАЗДНЕНИЯ УНИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1839 ГОДУ

*Протоиерей Александр Романчук
(Минск, Беларусь)*

Упразднение Брестской церковной унии, произошедшее на Полоцком Соборе 1839 г., представляет собой масштабное историческое событие, далеко выходящее по своему значению за рамки исключительно церковной истории белорусско-украинско-литовских земель. Оно стало результатом сложного взаимодействия разнородных факторов и имело несколько предпосылок. В православной и католической историографиях неоднократно предпринимались попытки определения причин и условий разрыва Брестской унии на территории Российской империи. Однако их выявление и научное осмысление еще далеки от завершения из-за сложности проблемы, обширности и противоречивости исторических источников, а также в силу того, что историки занимают слишком разные конфессиональные, общественно-политические и этнокультурные позиции. Учитывая то, что последствия Полоцкого Собора продолжают влиять на современное общество в Беларуси и на Украине, комплексное рассмотрение предпосылок, приведших к отказу части Белорусско-Украинской Церкви от союза с Римом продолжает оставаться актуальным.

Прекращению действия Брестской церковной унии на территории Российской империи в 1839 г. способствовало соединенное действие изменяющихся во времени объективных и субъективных составляющих. Среди них в исторической литературе, как наиболее значимые, выделяются следующие: 1) конфессиональная политика правительства России на присоединенных от Речи Посполитой землях [напр.: 37]; 2) тенденции, развивавшиеся внутри Униатской Церкви под воздействием Католической Церкви латинского обряда [напр.: 3]. Представляется, что переплетение этих факторов и процессов и породило предпосылки упразднения Униатской Церкви в 1839 г.

На землях, отошедших к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, проживало от 4 до 5 миллионов униатов, что составляло примерно 60 % от всех членов Униатской Церкви, созданной на Брестском Соборе 1596 г.¹ В современной историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому судьба униатов, ставших русскими подданными, целиком и полностью зависела от воли российских монархов, покровительствовавших Православной Церкви и проявлявших нетолерантность по отношению к Католицизму вообще и к Католицизму восточного обряда в частности [напр.: 40, с. 119]. Считается, что нетолерантность Петербурга, лишь иногда из политических соображений намеренно ослабляемая, стала главной причиной волны воссоединения униатов с православными в 1794–1795 гг. и окончательного упразднения Униатской Церкви в 1839 г. [напр.: 13].

С этим трудно, да и не нужно спорить. На имеющемся историческом материале невозможно доказать обратное. Без сомнения, российские императоры в своих представлениях о значении религии для государственного строительства ничем не отличались от великоли-

³ Около 1772 г. католическая церковь восточного обряда в Речи Посполитой насчитывала 9452 прихода. В результате 3-х разделов Польши 1772–1795 гг. от 5600 до 6052 приходов (точно неизвестно) оказались на территории Российской империи [41, с. 21, 23].

товских князей и польских королей. Поэтому униатская проблема была политизирована в Российской империи не менее, чем она была политизирована в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой. Исторические источники однозначно свидетельствуют о том, что российские самодержцы видели в Брестской церковной унии препятствие для возрождения религиозно-культурного единства русского народа и утверждения власти империи в приобретенных от Польши губерниях. Униаты, будучи католиками, по определению не могли сочувствовать интересам православной России. Их политические симпатии в значительной степени находились на стороне католической Речи Посполитой. Отсюда вполне закономерно следует то, что конфессиональная политика России в западных областях носила антиуниатский характер с учетом широкой веротерпимости, свойственной властям Российской империи.

В то же время нужно заметить – изменение вероисповедания нескольких миллионов верующих представляется слишком трудным делом. Любое действие властей в религиозной сфере не может гарантировать ожидаемый результат. Нетолерантность к какому-либо церковному объединению далеко не обязательно ведет это объединение к полному исчезновению. Наоборот, преследования и правовая дискриминация зачастую лишь очищают вероисповедание от нетвердых элементов и тем укрепляют его. Выживание Православия под враждебным католическим литовско-польским владычеством в течение нескольких столетий представляет собой яркий пример этого правила. Учитывая сказанное, приходится сделать вывод о том, что желание российских императоров прекратить действие Брестской церковной унии на своей территории создавало первичное условие для упразднения Униатской Церкви в России, но не делало полное исчезновение Унии неизбежным. В связи с этим особое научное значение приобретает задача выявления того действия российского правительства, которое создало непосредствен-

ную предпосылку для общего воссоединения униатов с православными в 1839 г.

Конфессиональная политика Петербурга в отношении греко-католиков с 1772 по 1839 г. в исторической литературе обычно изображается следующим образом.

Императрица Екатерина Великая поначалу установила в белорусско-украинско-литовских губерниях полную свободу вероисповедания, но начиная с 1780 года взяла курс на ослабление структуры Униатской Церкви и способствовала переходу в Православие тех униатов, которые этого желали. Она, предпринимая антиуниатские действия, учитывала политические обстоятельства и последствия вмешательства в религиозную сферу, что тормозило исполнение ее желания полного упразднения Унии. В конце своего царствования Екатерина II, воспользовавшись обстоятельствами, сложившимися в результате Второго и Третьего разделов Речи Посполитой, предприняла решительные шаги, которые привели к перераспределению населения между Православием и Католичеством на западе империи.

Император Павел I благосклонно относился к Католичеству. Он восстановил разрушенную в царствование его матери церковную структуру Унии, но одновременно с этим подчинил униатов власти католического латинского митрополита, полностью отдав их в руки латинян. Действия Павла I оцениваются в православной историографии как верх неразумности в конфессиональной политике Российской империи.

Император Александр I в целом относился к униатам равнодушно, т.к. предполагал восстановить Польшу с белорусско-украинско-литовскими землями в ее составе, что должно было снять униатскую проблему с повестки дня российских властей. В то же время под давлением просьб со стороны некоторых униатских архиереев, стремившихся к отстаиванию своих прав от посягательств со стороны латинской иерархии, а также к сохранению самобытности Унии,

он осуществил ряд мер, которые поспособствовали некоторому усилению Униатской Церкви.

Император Николай I желал бесповоротно интегрировать западные губернии в состав империи, для чего искал средства сделать местное население лояльными гражданами России. Значительная часть этого населения принадлежала Униатской Церкви. Поэтому император Николай I интересовался Унией, собирал сведения о ее положении и в 1827 г. предпринял действия по делатинизации униатского обряда с целью внешне сблизить униатов с православными. Мероприятия Николая I неожиданно привели к возникновению среди униатов движения, направленного к возвращению в православное вероисповедание, которое император приветствовал и поддерживал. Под его покровительством с 1828 г. реализовывался проект общего воссоединения униатов, завершившийся в 1839 г. разрывом Брестской церковной унии на Полоцком Соборе униатского духовенства.

Краткий обзор конфессиональной политики России на приобретенных от Польши территориях открывает ее непоследовательность, которую отмечали все без исключения историки, занимавшиеся проблемой упразднения церковной Унии в России. К этому нужно добавить, что все действия Петербурга в отношении Унии, предпринятые до 1827 г., могли послужить переходу в господствующее вероисповедание только части униатов. Колебания властей в отношении греко-католиков, когда их то призывали беспрепятственно возвращаться к вере отцов, то отдавали под власть латинского священноначалия, то пытались переделать в русском духе, скорее могли оттолкнуть значительную часть униатов от православных, чем сблизить их. Тем не менее, из среды униатского духовенства в 1827 г. выходит проект полного упразднения унии, который успешно реализуется. Этот факт требует объяснения.

Чтобы разобраться, прежде всего, нужно обратить внимание на значение для общего воссоединения униатов с православными кон-

фессиональной политики императрицы Екатерины II. В ней прослеживается несколько направленных против Унии действий.

В июле 1780 г. по повелению императрицы был издан указ о прекращении существования Полоцкой униатской кафедры и учреждении Полоцкой униатской духовной консистории. В этом законодательном акте, помимо прочего, государственным чиновникам предписывалось в случае вакансии при каком-либо униатском приходе священнического места спрашивать прихожан, не желают ли они иметь православного священника. Если они изъявляли на это согласие, то местным православным архиереям – Могилевскому и Псковскому – вменялось в обязанность принимать такие приходы в состав своих епархий [22, с. 953–954]. После издания этого указа, открывавшего для униатов легальный путь оставлять Греко-католицизм, с 1781 по 1783 г. в Православие из Унии перешли более 80 приходских общин, в которых насчитывалось от 112 578 [15, с. 208–209] до 117 187 [4, с. 299] верующих.

22 апреля 1794 г. по распоряжению Екатерины II от имени архиепископа Виктора (Садковского) в границах Минской епархии было опубликовано обращение, в котором униаты призывались безбоязненно присоединиться к Православию [24, с. 88]. 18 мая 1795 г., убедившись в том, что униаты в Минской епархии откликнулись на правительственный призыв и массово переходят в Православие, императрица повелела распространить действие этого обращения на Могилевскую епархию [24, с. 699–700]. В результате в 1794–1795 гг. в Православную Церковь перешли более 1,5 миллиона униатов. Большинство из этого числа пришлось на украинские территории. В Белоруссии Унию в общей сложности оставили 221 тысяч верующих, объединенных в 229 приходов, что составляло небольшую часть Униатской Церкви на белорусских землях [35, с. 8].

6 сентября 1795 г. Екатерина изменила иерархическую структуру Униатской Церкви. Были уволены на покой униатский митропо-

лит Феодосий (Ростоцкий) и все прочие униатские епископы. Учреждалась единственная епархия – Белорусская, управление которой поручалось архиепископу Ираклию (Лисовскому). Эта епархия простиралась от Киева до Каменец-Подольска на Юге и по Гродно, Курляндию, Вильно и Полоцк на Севере [24, с. 791–793]. Она объединяла 2,5 млн. верующих [41, с. 34]. Монастыри ордена базилиан лишались орденского управления и переводились в подчинение преосвященному Ираклию. Та часть монастырей, в которых монахи не содержали школы и не занимались социальным служением, признавалась «обществу бесполезной» и подлежала закрытию [24, с. 722–723]. Это было последнее действие императрицы Екатерины Великой в отношении Униатской Церкви.

Характеризуя политику Екатерины II в отношении униатов, следует в первую очередь отметить ее прагматичность и использование для решения более общих политических проблем.

К примеру, в 1780 г. императрица ликвидировала Полоцкую униатскую епархию и разрешила святителю Георгию (Конисскому) присоединить к Православию 100 тысяч униатов, которые (это было ей хорошо известно) давно просились из Унии, не для того, чтобы просто стеснить Униатскую Церковь из-за неприязни к ней, или развернуть против Унии широкомасштабное наступление [12, с. 6–7]. В это время самыми актуальными для нее в конфессиональной сфере вопросами были: назначение главой католиков в России Могилевского латинского архиепископа Станислава (Сестренцевича) [15, с. 200–201] и учреждение в Польше православной епископии, которая должна была правильно канонически оформить жизнь Православной Церкви в Польше и тем послужить дальнейшей дестабилизации польского общества, обезумевшего в своем католическом фанатизме.

Упразднение униатской епархии в России в 1780 г., вне всякого сомнения, представляло собой подготовку выгодной позиции для политического торга: во-первых, с высшим руководством Католической

Церкви вокруг кандидатуры на пост главы католиков в России; во-вторых, с польским правительством и польским католическим высшим обществом, которые противились появлению православного епископа в пределах Речи Посполитой. Упразднением Полоцкой униатской кафедры и ограниченным разрешением перейти в Православие тем униатам, которые уже в течение ряда лет просились оставить Унию, Екатерина II заставила встревожиться униатское духовенство и все польское католическое общество. Тем самым она добилась того, что король Станислав Понятовский вынужден был просить ее о восстановлении канонического порядка церковной жизни униатов на российской территории, что стало поводом для императрицы жестко поставить вопрос об открытии православной кафедры в Польше. В итоге произошел размен: в 1785 г. в Речи Посполитой была учреждена православная Переяславская викарная кафедра, на которую был назначен епископ Виктор (Садковский) [23, с. 329], а в России восстановлена униатская Полоцкая архиепископия во главе с архиепископом Ираклием (Лисовским) [1, с. 6].

Что касается действий Екатерины II в 1794–1796 гг., то они стали ответом на обстоятельства, сложившиеся в процессе Второго и Третьего разделов Речи Посполитой. Но здесь нужно заметить, что в это время и с таким подходом, который был применен ею, можно было надеяться на переход в Православие только части униатов, пусть и достаточно большой по численности. Обязательно должны были остаться греко-католики, которые не желали переходить в Православную Церковь либо по убеждению, либо из-за морального и экономического господства над ними католической шляхты, либо по другим причинам. Ожидать полного исчезновения Унии в результате призыва униатов к Православию не приходилось. Чтобы в наибольшей степени решить униатскую проблему, нужно было развернуть среди униатов, не пожелавших откликнуться на призыв к Православию, миссию православного духовенства.

Вероятно, что Екатерина II действительно готовила почву для православной миссии среди униатов. На это указывает трактат «О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью», написанный принявшим русское подданство известным греческим богословом и церковным писателем Евгением (Булгарисом), архиепископом Славянским и Херсонским по просьбе обер-прокурора Святейшего Синода графа А.И. Мусина-Пушкина в 1793 г. [19, с. 19–93]. В этом церковно-историческом и богословском произведении преосвященный Евгений (Булгарис) описал способы и средства, с помощью которых на основании православной экклезиологии можно вернуть большие массы униатов к Православию. Не вызывает сомнения то, что обер-прокурор Святейшего Синода обращался к преосвященному Евгению по личному распоряжению императрицы [19, с. 19].

Помимо этого, интересная информация содержится в «Записке об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России», датированной 28 февраля 1828 г. и подготовленной в канцелярии министра народного просвещения А.С. Шишкова. Этот документ был составлен в ходе подготовки реформирования Униатской Церкви согласно плану общего воссоединения униатов, предложенного прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827 г. В нем прямо говорится о том, что Екатерина II намеренно ослабляла церковно-административные структуры Унии, отстраняла от деятельности униатских епископов, ограждала униатов от влияния польского общества и латинского духовенства с целью полного упразднения Униатской Церкви в России [9, с. 524–525].

Кончина императрицы, последовавшая в ноябре 1796 г., остановила исполнение ее планов. Теперь о них можно лишь высказывать предположения. По всей вероятности императрица Екатерина II намеревалась в максимально возможной степени искоренить Унию в России. Ее план состоял из двух этапов. На первом этапе тем униатам, которые были склонны к переходу в Православие, предостав-

лялась такая возможность, и им оказывалось содействие. На втором этапе среди униатов должна была быть развернута православная миссия. Для облегчения ее работы императрица предприняла ряд мер по всестороннему ослаблению Униатской Церкви.

Сейчас трудно говорить о том, насколько был осуществим план императрицы Екатерины II, коль скоро она стремилась к полному искоренению Унии на территории России. Несомненно то, что православная миссия не могла гарантированно привести к этому в условиях польского экономического господства, культурного и морального господства полонизма и религиозного доминирования Католицизма, которые сохранялись в белорусско-литовских губерниях. В то же время о последствиях действий Екатерины II в отношении Униатской Церкви можно судить вполне определенно. Был реализован только первый этап антиуниатского плана, что привело к крайне неблагоприятным для Российского государства, Православной Церкви и возможности в дальнейшем воссоединить униатов с православными последствиям. В Унии осталось 2,5 миллиона верующих, униатское духовенство озлобилось против Православия, а также начало в большей, чем прежде степени испытывать неприязнь к российской власти, видя в ней враждебную своей вере силу. Это были наихудшие позиции для воссоединения униатов.

Т.о., в правление Екатерины II в отношении униатов наблюдается прагматичная политика, которая в зависимости от обстоятельств колебалась в широком диапазоне – от осторожной, до решительно враждебной. Нельзя отрицать то, что императрица умело и решительно использовала любую возможность перевести униатов в господствующее вероисповедание, что открывает ее неблагосклонность к Брестской унии. Ее действия привели к масштабному перераспределению населения между Католичеством и Православием в 1781–1783 гг. и 1794–1795 гг. В то же время в ее действиях против Униатской Церкви не прослеживается логическая завершенность. Наступление импе-

ратрицы Екатерины II на Унию, прерванное ее кончиной, оказалось «кавалерийским наскоком», который представляет собой шумное зрелище и даже может принести много добычи, но не в состоянии привести к окончательной победе. Если же рассматривать конфессиональную политику императрицы через призму возможности осуществить общее воссоединения униатов с православными, то она принесла несомненный вред. В союзе с Римом осталась значительная часть Белорусско-Украинской Церкви, в духовенстве которой усилилось неприязненное отношение к России и Православию. Теперь без организации среди униатов долгосрочной миссии православного духовенства или без насилия над свободой совести униатов, их присоединение к господствующему исповеданию казалось делом невозможным.

Следующим, как считается, важнейшим документом российского правительства, направленным на упразднение Унии, и православные, и католические историки называют указ от 9 октября 1827 г., изданный Правительствующим Сенатом по высочайшему повелению императора Николая I. Указ предписывал: 1) не допускать в базилианский орден лиц римо-католического обряда; 2) подвергать испытанию на знание церковнославянского языка и устава греческого богослужения кандидатов на членство в ордене; 4) учредить в греко-католических епархиях училища для духовного юношества с глубоким изучением церковнославянского языка и славянской службы [1, с. 113; 28, с. 877–878; 33, л. 3–3 об., 6–6 об.].

Текст указа говорит о желании императора Николая I остановить латинизацию и полонизацию Унии, его стремлении превратить ее приверженцев в лояльных граждан Российской империи, но не о том, что он был направлен на прекращение действия Брестского церковного соглашения. Тем не менее, публикация этого указа вызвала появление проекта общего воссоединения униатов с православными, который был предложен прелатом Иосифом Семашко директору Де-

партаменту духовных дел иностранных исповеданий Г.И. Карташевскому уже 5 ноября 1827 г., т.е. через 27 дней после обнародования указа от 9 октября [16, с. 13–14].

Итак, в 1827 г., т.е. через 32 г. после событий Екатерининского воссоединения, из-за незначительного воздействия со стороны Петербурга, в котором призыва к Православию не содержалось, из среды униатов выходит проект полного упразднения Униатской Церкви. То, что это не было случайностью, доказывает тот факт, что впоследствии, в продолжение 1828–1839 гг. в реализации воссоединительного проекта принимали участие как представители наиболее образованной и энергичной части греко-католического духовенства, так и широкие круги униатских духовных лиц. Несомненно, — это стало возможным в силу особым образом сложившихся обстоятельств и развития определенных процессов в период с 1795 по 1827 г. Но и то и другое должно было обуславливаться каким-то действием властей Российской империи. Таким действием, которое заставило униатов, продемонстрировавших приверженность греко-католицизму во времена Екатерины Великой, оттолкнуться от Католичества и допустить для себя возможность возвращения в Православие.

Представляется, что изменения, произошедшие в сознании униатов и повлекшие за собой возникновение проекта их общего воссоединения с православными, стали возможными в результате приведения в жизнь правовых решений императора Павла I, которые в православной историографии считаются неразумными и бездарными [11, с. 316]. В католической и белорусской националистической историографиях эти юридические нормы зачастую упоминается лишь вскользь, потому что не могут быть использованы в качестве очередной иллюстрации враждебности Петербурга к Католичеству. Речь идет о нескольких законодательных актах.

28 апреля 1798 г. вышел именной сенатский указ о расширении епархиальной структуры Униатской Церкви: дополнительно к уже

существовавшей Полоцкой кафедре, управление которой сохранялось за архиепископом Ираклием (Лисовским), были открыты Брестская и Луцкая епископии. Помимо прочего в указе отмечалось: «Все, что относительно церковного управления, монашествующих школ, разных установлений и прочего, предписано в указе Нашем о Епархиях Римской веры, наблюдать и исполнять в самой точности и в рассуждении Униатов в Империи Нашей обитающих» [25, с. 222]. Этим правовым актом была восстановлена епархиальная структура Унии и подтверждено равноправие перед российским законодательством Католичества латинского и восточного обрядов.

Того же 28 апреля был издан именной сенатский указ, в котором содержалось положение, подчинявшее униатов власти латинского митрополита [25, с. 222–224]. В нем говорилось: «8) Архиепископу Могилевскому именоваться Архиепископом Митрополитом, и имея все те наружные отличности, которые по обрядам Римской церкви в толь преимущественном сане и месте свойственны, пользоваться и теми правами, кои только могут быть присвоены ему, не токмо по его Епархии, но и относительно к другим единоверным Епископствам, как единственному Архиепископу Митрополиту той церкви в России» [25, с. 223–224]. Эта правовая норма противоречила предыдущей, т.к. согласно ей униатам не предоставлялось право на самостоятельное управление, а это принижало их в отношении католиков латинского обряда.

11 октября 1800 г. вышел именной сенатский указ, в котором говорилось об избрании в Католический департамент Юстиц-Коллегии, в котором сосредотачивалось Высшее церковное управление Католической Церкви в России, из духовенства каждой католической епархии по одному заседателю [26, с. 338]. Однако, 29 декабря 1800 г. в результате рассмотрения вопроса о назначении в Католический департамент Юстиц-Коллегии двух членов из числа светских лиц, было постановлено: «а Униаты, так как они присоединенные или к нам, или к Ка-

толикам, а не сами по себе, Членов (в Католическом департаменте – *А. Р.*) не могут иметь» [26, с. 486]. Это положение лишало католиков восточного обряда права голоса в Высшем церковном управлении Католической Церкви, что в еще большей степени закрепляло второсортное положение униатов по отношению к единоверцам латинского обряда.

Изучение относящихся к Унии законодательных решений императора Павла Петровича открывает, что сразу после массового воссоединения униатов с православными в последний год жизни императрицы Екатерины II была создана новая ситуация в Католической Церкви в России. Было законодательно утверждено параллельное существование двух католических иерархий: латинской и униатской, – но в то же время иерархически оформленному униатскому церковному объединению отказывалось в праве решать свою судьбу. Управление Униатской Церковью было передано главе Католической Церкви латинского обряда. Этими логически противоречивыми нормативными актами российская власть формально признавала, что униаты, проявившие твердость в своей вере, навсегда потеряны для Православия и России и передавала их на попечение латинянам, перекладывая на последних ответственность за дальнейшую судьбу униатов.

Такое решение униатской проблемы императором Павлом I имело далеко идущие последствия и решило судьбу Унии в России. Подчинение греко-католиков власти митрополита латинского обряда в одночасье переменяло положение униатов между Православием и Католичеством латинского обряда. До этого момента греко-католики боролись за свое существование с Россией и Православием. Именно они, очевидно, несли угрозу Униатской Церкви. Теперь же российское правительство фактически устранялось от решения униатской проблемы, как бы признало свое поражение в борьбе с Брестской унией и поручало попечение о дальнейшем существовании и разви-

тии Униатской Церкви латинской иерархии. В ее руки была отдана забота о сохранении самобытности Униатской Церкви, поддержании ее сложившихся традиций, культурного влияния, литургической практики. Даже в Речи Посполитой латинские епископы никогда не могли получить такой власти над униатами. Теперь же их вековая мечта сбылась, и это явилось катастрофой для Унии.

Дело в том, что получив власть над Униатской Церковью латинская иерархия и ксендзы при деятельной поддержке высшего слоя общества в белорусско-литовских губерниях, представленного польской и полонизированной шляхтой латинского обряда, сразу развернули среди униатской паствы прозелитическую деятельность, что, кстати, было немедленно замечено российской властью [26, с. 24–31]. В ход шли самые неприглядные приемы, вплоть до подлогов и распространения фальшивок [14, с. 402–422]. Точные цифры потерь Униатской Церкви в пользу латинского обряда не известны, но, сопоставляя приведенную выше численность униатов в епархии архиепископа Ираклия (Лисовского) в 1795 г. (2,5 миллиона) с официальным количеством последователей Унии в 1807 г., составлявших примерно 1,5 миллиона человек², можно сделать вывод, что в 1796–1805 гг. из униатских храмов в костелы перешло не менее 1 миллион верующих. Эрозия Унии в пользу латинства продолжалась и в дальнейшем. Из анализа данных о динамике численности народонаселения западных губерний, проведенных генералом П.О. Бобровским, с 1805 по 1828 г. Греко-католическое церковное объединение лишилось еще не менее 200 тысяч пасомых [3, с. 163–164].

В таких обстоятельствах неконструктивную позицию в отношении российской части Греко-католической Церкви заняло Высшее руководство Католической Церкви. Невзирая на то, что власть Папы в пределах России была законодательно ограничена, Рим был в состоянии если не полностью остановить, то хотя бы смягчить антиуни-

² Оно насчитывало от 1 425 599 [41, s. 68] до 1 538 890 верующих [41, s. 70].

атскую деятельность польского духовенства. Однако Римская курия ничего не предприняла в этом направлении. Рим и во времена Речи Посполитой сомневался в верности униатов, не доверял им. Достаточно вспомнить тот факт, что на Замойском Соборе 1720 г. униатский митрополит Лев (Кишка) был отстранен от председательства, а его место по распоряжению Рима занял папский нунций [36, с. 92–130]. В новых условиях Апостольская столица вновь отнеслась к униатам с недоверием, подозревая в униатской иерархии слишком большую приверженность ко всему православному, в чем ее в некоторых случаях уверяли местные ревнители Католичества [см.: 6, с. 292]. Апофеозом недоверия со стороны руководства Католической Церкви стало то, что оно отказалось признать в митрополите Ираклии (Лисовском) и в его преемниках – Григории (Кохановском) и Иосафате (Булгаке) – легитимных униатских митрополитов [18, с. 126–127, 130, 135–136].

В условиях, когда власти империи заняли подчеркнуто нейтральную позицию, а польское латинское духовенство с молчаливого согласия Рима и при поддержке полонизированного высшего класса западных губерний развернуло на греко-католиков широкомасштабное наступление, в Унии усилились давнишние внутренние противоречия. Униатский клир еще во времена Речи Посполитой разделился на сторонников полонизации и слияния с латинством и приверженцев самобытности Унии [см.: 38]. Теперь это разделение углубилось и вылилось в острое противостояние, в котором решалась судьба Брестской унии на территории России. Речь шла о том продолжит ли Уния свое существование, или постепенно переродится в Польский Католицизм. Здесь трудно не заметить то, что в событиях внутри и вокруг Унии в России с 1798 по 1827 г. прослеживается перемна фронта борьбы. Защитники самобытности Унии вынуждены были конфликтовать не с Православной Церковью, которая миссией среди униатов не занималась, не с российским правительством, которое отказалось от давления на Унию, а с единоверцами латинского обряда,

на стороне которых выступала влиятельная часть греко-католического клира, в первую очередь – базилианское монашество.

В разгоревшемся противостоянии людей одного вероисповедания обе стороны апеллировали к властям. Однако у адептов латинизации и полонизации Унии формально отсутствовали поводы для обращения к правительству, поскольку они уже получили все, что только можно в правовых актах императора Павла I. Поэтому их подход состоял в том, чтобы для реализации своих планов находить поддержку у высокопоставленных российских чиновников и устранять тем или иным способом своих оппонентов. Приходится признать большие достижения в этой сфере базилианского монашества, проявившего себя достойным своих учителей – иезуитов. Особенно показательны в этом отношении судебные дела, сфабрикованные базилианами против архиепископов Иракия (Лисовского) [6, с. 303–318] и Иоанна (Красовского) [33], возглавлявших круг патриотов Унии. Как известно, в свое время даже высказывалось подозрение в отравлении ими архиепископа Иоанна (Красовского) [39, с. 131].

В свою очередь у сторонников самобытности Унии было много причин обращаться к православным властям и после 1798 г. не было других способов для достижения своих целей. Им требовалось остановить латинский прозелитизм, добиться обособления управления своей Церквью от латинского священноначалия, продолжить укрепление церковной структуры Унии, возвысить значение в церковной жизни тех клерикальных кругов, которые противились латинизации Греко-католичества. Надо сказать, что правительство Российской империи в правление императора Александра I шло сторонникам сохранения самобытности Унии навстречу. Под воздействием просьб со стороны преосвященного Иракия (Лисовского), который опорой для своей деятельности видел в российских властях [3], правительством

³ В записке, адресованной графу З. Чернышеву, датированной 2 июля 1805 г., высокопреосвященный Иракий прямо просил этого сановника обратить внимание

был принят целый ряд правовых актов. Запрещался латинский прозелитизм, и латинизантам (как тогда называли переведенных в латинство греко-католиков) было предложено вернуться из костелов в свой обряд. Эти запрещения в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чем не стесняли свободу совести униатского населения повторялись в 1803, 1804, 1806, 1807, 1810 гг. [1, с. 36–37 ; 78 ; 82; 90 ; 98–99]. В 1804 г. в Римско-католическую духовную коллегию были допущены униатские заседатели [1, с. 77]; в 1805 г. в структуре Римско-католической духовной коллегии был создан 2-й (униатский) департамент, появление которого несколько ослабило подчиненность униатов власти латинской иерархии [1, с. 82]; в 1805 г. было восстановлено митрополитальное устройство Униатской Церкви [27, с. 670–671]; в 1803 г. униатское духовное юношество было допущено к получению высшего богословского образования в Главной католической семинарии при Виленском университете [1, с. 37–39]; в 1806 г. учреждена Полоцкая семинария с углубленным изучением униатских обрядов [1, с. 89–90]; в 1809 г. была учреждена новая униатская Виленская митрополичья кафедра [1, с. 94].

Т.о., перемена положения униатов, произошедшая в царствование императора Павла I, заключалась в том, что переменялся фронт борьбы за сохранение Унии. С одной стороны, он теперь проходил между католиками-униатами и католиками латинского обряда; с другой стороны, борьба за продолжение существования Униатской Церкви развернулась между униатскими клерикальными группировками. Униаты, выступавшие за восточнославянскую идентичность Униатской Церкви, апеллировали к российскому правительству и получали то, что просили. Такое отношение властей империи постепенно приучало униатов видеть в России не врага, а союзника. Наоборот, со сто-

даря на проблему спасения униатов от латинян (РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22303. Л. 26–27). Чернышев в письме к императору писал, что Лисовский умоляет его «доставить униатам справедливую защиту» (Там же. Л. 28 об.).

роны латинского священноначалия, латинского духовенства и представителей высшего слоя общества, состоявшего в большинстве из католиков латинского обряда, униаты – и духовенство, и простые верующие, – постоянно испытывали неприязнь и враждебность [См.: 3].

В таких условиях в среде греко-католического клира закономерно начали появляться люди, для которых Православие уже не казалось духовно неприемлемым, а Речь Посполитая не была более близкой, чем Российская империя. Проправославные настроения еще не были заметны у патриотов Унии в 1800–1810-е гг., когда на острие борьбы стояли митрополиты Иракий (Лисовский), Григорий (Коханович), архиепископ Иоанн Красовский, члены Брестского епархиального капитула. Тогда еще существовала надежда на то, что Униатскую Церковь можно оздоровить и сделать достаточно устойчивой против воздействий как с православной, так и с латинской стороны. Однако по мере того, как сторонники латинизации и полонизации одерживали верх на сторонниками самобытности Унии [30, с. 56–83], а также по мере выхода на историческую сцену нового поколения униатской интеллектуальной элиты, представленной выпускниками Главной католической семинарии при Виленском университете, где преподавание было построено на принципах иосифизма [31, с. 3–10], среди греко-католического духовенства появляются люди с отчетливо выраженными православными симпатиями.

Об эволюции настроения наиболее образованной и энергичной части униатского клира свидетельствуют воспоминания его представителей. В частности, архиепископ Антоний (Зубко) писал о своих мыслях в 1820-е гг.: «Я видел ясно несправедливость гнета польского ультрамонтанства над униатами. Я возмущался при мысли о низком состоянии, в котором находились униаты, и во мне возбуждалось рвение содействовать, по мере моих сил, к возвышению их путем просвещения» [2, с. 49]. В свою очередь в «Записках» митрополита Иосифа (Семашко) содержится воспоминаниях о тех размышле-

ниях, которые стали следствием его участия в управлении Луцкой епархии в 1820–1822 гг. Владыка писал: «Я ознакомился ближайшим, так сказать осязательным образом, с весьма затруднительным, если не бедственным положением униатов между Православной и Римско-Католическою Церковью. На них православные нападали с явным ожесточением, тесня их по разным делам, часто видимо несправедливым; римляне же брали от них все без огласки, под видом дружбы. Это заставило меня часто призадумываться, и признаюсь, в сердце своем я извинял более православных, нежели римлян. Первые, по крайней мере, враги и не без повода, думал я, униаты обыкновенно отплачивают им тоже враждой: но за что же их обижают друзья» [10, с. 20].

Возрастание симпатий к Православной Церкви среди молодого поколения образованных униатов в конечном итоге привело к появлению проекта общего воссоединения, предложенного наиболее решительным и бескомпромиссным из них – прелатом Иосифом Семашко – в 1827 г. Свою мотивацию Семашко объяснил тем, что путем самостоятельных богословских изысканий он пришел к выводу о том, что Православие является хранилищем Истинного Христианства. Кроме того, в процессе своей практической церковной деятельности он убедился в бесперспективности попыток оздоровить Униатскую Церковь и остановить ее слияние с Польским Католичеством. «Я давно уже убедился, – писал он в своих «Записках», – в Православии Восточной Церкви посредством чтения и тщательного разыскания; а между тем принадлежал к Церкви Западной. Я был членом и немаловажным Церкви Русской, хотя и отложившейся от истинного учения; а между тем, по тогдашнему положению Униатской Церкви, должен был по необходимости служить орудием окончательного изменения оной в Латинскую. Я сердцем и душою предан был России и с нею соединял высренний идеал моего отечества, почерпнутый в чтении древних; а между тем считался для нее чуж-

дым и принадлежащим неприязненной для нее Польше. Несправедливость и притеснения были для меня всегда невыносимы; а между тем я был часто бесполезным их свидетелем. Корыстолюбие, взятки были для меня чем-то самым презренным; а между тем они встречались на каждом шагу» [10, с. 30]. Эти слова митрополита Иосифа (Семашко) в полной мере отвечают на недоумение современного апологета Брестской церковной унии в Белоруссии С.В. Морозовой, полагающей, что «ліквідацыя царквы яе ўласнымі епіскапамі (имеется в виду возвращение 1,5 миллион белорусско-украинских униатов в Православие в 1839 г.) беспрэцэдэнтны выпадак у гісторыі рэлігіі і яшчэ адзін з парадоксаў уніяцтва» [17, с. 228].

Т.о., в результате на первый взгляд нелогичных с точки зрения нетолерантности действий российского правительства в царствование императора Павла I, поручившего униатов заботам их латинских единоверцев, российские власти устранилось от участия в судьбе Унии. С одной стороны, это выявило неспособность латинского духовенства и высшего католического общества западных губерний обуздать свои национальные и религиозно-культурные инстинкты и выработать взвешенную стратегию поведения. С другой стороны, в клире Униатской Церкви активизировались и консолидировались те круги, которые не желали перерождения своего церковного объединения в польском латинском духе. Российское правительство оказалось втянутым в противостояние латинизаторов и сторонников самобытности Унии на стороне последних. Это привело к устранению негативных последствий воссоединения униатов Екатерининского времени, приучило униатов видеть в России защитницу, а в возвращении в Православие вполне реальную для себя перспективу.

В итоге можно говорить о том, что предпосылками возникновения проекта общего воссоединения униатов с православными в 1827 г. стали правовые изменения в положении греко-католической Церкви в последние годы XVIII в. и неспособность латинского духовенства и

польского шляхетского общества отказаться от представления о своей латинской исключительности и старинной русофобии. Российское правительство избрало оптимальный способ действий для искоренения Унии⁴, а вот католическая сторона сделала все возможное, чтобы оттолкнуть униатов от себя и направить их к Православию.

Указанные предпосылки упразднения Униатской Церкви необходимо дополнить еще одной. Дело в том, что постепенное появление в униатском духовенстве людей, настроенных доброжелательно по отношению к Православию, не могло привести к возникновению проекта общего воссоединения униатов с православными. Чтобы поставить вопрос настолько радикально нужно было нечто большее, коренящееся в особенностях униатского экклезиологического самосознания.

На основании оставшихся от Унии источников можно реконструировать экклезиологическое самоощущение греко-католического духовенства в кон. XVIII – первой трети XIX в. Сообщество католиков восточного обряда в документах этого времени в большинстве случаев именуется по-разному, с догматической точки зрения совершенно невятно: уния, униатский, греко-униатский и даже римско-униатский [20, с. 547] обряд и т.д. Однако, наряду с этим употреблялось и понятие «Церковь». Например, митрополит Иракий (Лисовский) в 1796 г. в письме Холмскому епископу Порфирию (Важинскому), говоря о бедствиях Унии, называет ее «наша Церковь» [1, с. 595]. Выражение «Униатская Церковь» достаточно часто встречается в документах и конфиденциальной переписке в конце 1820-х и в 1830-х гг.

⁴ Действия императора Павла I в отношении униатов не носили продуманный характер, и их последствия, решившие во многом судьбу Унии, не прогнозировались. Механизм формирования конфессиональной политики императора Павла Петровича в западных губерниях хорошо известен. Решения принимались императором исходя из его собственного неприязненного отношения к самой идее и практическому воплощению церковной унии, под влиянием Римского двора, действовавшего через нунция Лоренцо Литту, латинского архиепископа Станислава (Сестренцевича), униатского архиепископа Иракия (Лисовского), минского губернатора З.Я. Корнеева [Об этом см.: 6, с. 251–317].

Здесь нужно обратить внимание на следующее. Именованье католиков восточного обряда «Церковью» входило в противоречие с посттридентской католической экклезиологией, на основании которой в декабре 1595 г. в Риме была подписана церковная уния между Католической Церковью и частью иерархии Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Согласно посттридентскому представлению «Церковью» могла называться только монолитная Вселенская Церковь, которая признавала непосредственную прямую власть Римского Папы над каждым епископом и верующим. Соответственно в Апостольской столице на униатов смотрели как на католиков, которым по миссионерским соображениям предоставлено право практиковать восточный обряд [5, с. 5–6]. Не более. В то же время униаты сохраняли национальную иерархию, которая была параллельной иерархии латинского обряда. Сверх того, сами униаты с самого начала заключения Брестской унии не сомневались, а даже подчеркивали то, что, находясь в союзе с Римом, продолжают оставаться частью Русской Церкви, а также имеют свои особые интересы, состоявшие в сохранении византийского обряда и ограждении паствы от латинского прозелитизма. Как пишет В. Пери: «Брестская уния спонтанно понималась русинами, как уния между их национальной Церковью, с ее традиционной иерархической структурой, и наследованным от предков литургическим обычаем, и Римской Церковью» [8, 320 с.; 21, с. 725]. Иначе говоря, церковная уния греко-католиками мыслилась как федеративный союз Церквей, а не как их включение в общую массу Католической Церкви.

Это экклезиологическое противоречие несло в себе постоянную угрозу для союзного договора между частью Белорусско-Украинской Церкви и Римом. В сообществе униатов под воздействием разного рода обстоятельств могло появиться мнение, согласно которому союз с Римом стал вреден, т.е. не способствовал дальнейшему развитию церковной жизни белорусов и украинцев. Именно это и произошло в

конце 1820-х гг. Проект общего воссоединения, предложенный прелатом Иосифом (Семашко), основывался на том представлении, что продолжение существования Унии не оправдано с религиозной точки зрения и ведет к денационализации восточнославянского населения [29, с. 250–313]. Мотивация проекта Семашко была с пониманием воспринята в кругах противников латинизации и полонизации, что стало залогом успешности его реализации.

Проведенное исследование позволяет назвать непосредственные предпосылки упразднения Униатской Церкви в Российской империи: 1) подчинение униатов власти латинского митрополита, осуществленное императором Павлом I; 2) подозрительное и агрессивное отношение к униатам со стороны представителей Католической Церкви латинского обряда; 3) экклезиологическое противоречие, существовавшее в Униатской Церкви с момента ее создания и обострившееся в первые десятилетия XIX в. Эти предпосылки находились в сложном сочетании и взаимодействии, мало того, активизировали одна другую. С уверенностью можно говорить о том, что сложившаяся в межконфессиональных отношениях в белорусско-литовских губерниях в последней четв. XVIII – перв. трети XIX в. обстановка, а также ситуация внутри Униатской Церкви представляли собой уникальное явление, которое больше нигде и никогда не повторялись.

Литература и источники

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею: в 39 т. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1889. – Т. 16 : Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. – 704 с.

2. Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1889. – С. 38–76.

3. Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с.

4. Буглаков, М., священник. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / священник М. Булгаков. – Минск : «Виноград», 2000. – 656 с. – С. 299.

5. Галадза, П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / священник П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2 – 6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6.

6. Галанов, М.М. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I : дисс.... доктора наук : 07. 00. 02 / М.М. Галанов. – Санкт-Петербург, – 2014. – 536 с.

7. Горючко, П. Материалы для истории церквей Белоруссии конца XVIII и начала XIX столетий / П. Горючко. – Могилев : тип. Губ. правл., 1903. – 42 с.

8. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595 – 1596 гг. / М.В. Дмитриев. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – 320 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22; Сер. II, Исторические исследования: 7).

9. Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года. // Русская старина. – Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, – 1870. – 2 изд. – Т.1. – С. 517–538.

10. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит

Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.

11. Зноско, Константин, протоиерей. Исторический очерк церковной унии: ее происхождение и характер / протоиерей Константин Зноско. – Минск : Белорусский Экзархат, 2007. – 367 с.

12. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава: Навук. Рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.

13. Канфессійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Беларуская навука, 2015. – 496 с.

14. Коялович М.О. Смута в униатской среде в Белоруссии в 1802–1803 гг. // Христианское чтение. – 1874. – №7. – С. 402–422

15. Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1999. – 400 с.

16. Коялович, М.О. О почившем митрополите Литовском Иосифе / М.О. Коялович. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Уделов, 1869. – 54 с.

17. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Ко- нана. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.

18. Назарко, Іриней, ЧСВВ. Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960) / Іриней Назарко. – Торонто : Видавництво отців Василіян, 1962. – 269 с.

19. О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью // Христианское чтение. – 1887. – ч. 2. – С. 19–93.

20. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / С.-Петербург : Синодальная типография, 1907. – Т. 2. – 1631 с.

21. Пері, В. Берестейська унія у римському баченні / В. Пері // Историчний контекст, укладнення Берестейської унії і перше поунійне

покоління : Матеріали Перших «Берестейських читань». – Львів, 1995. – С.7–25.

22. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 20. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1034 с.

23. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 22. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1168 с.

24. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 23. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 969 с.

25. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 25. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1122 с.

26. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 26. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 875 с.

27. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. – Т. 29. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1372 с.

28. Полное собрание законов Российской империи : собр. 2. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1830. – 1138 с.

29. Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва – Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 443 с.

30. Романчук, А., священник. Греко-католическая Церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и пер-

спективы / священник А. Романчук // Церковно-исторический вестник. – 2008. – № 15. – С. 56–83.

31. Романчук, А.А., протоиерей. Главная Семинария при Виленском университете: воспитание и образование католического духовенства униатского обряда / протоиерей А.А. Романчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2006. – № 4. – С. 3–10.

32. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22303. По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях.

33. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22468. По жалобе и доносам священника Арматовича на полоцкого греко-унитского архиепископа Красовского, относительно разных злоупотреблений его в управлении епархией и именьями. К сему следуют особые дела: 1. О наложении запрещения на собственное имение архиепископа Красовского и о произвождении ему жалования 1 т. рублей в год. 2. Определении архиепископа Красовского суду. 3. По прошениям о возвращении архиепископа Красовского в епархию. 4. Частично полученные бумаги по делу архиепископа Красовского. 5. О назначении архиепископа Красовского управляющим Луцкой епархией. 6. О смерти униатского архиепископа Красовского. 7. Следственные производства касательно разорения крестьян Полоцкого архиепископства и проч.

34. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22641. О запрещении принимать католиков в Греко-унитское монашество и об учреждении училищ для наставления унитского юношества в обрядах боослужения на языке славянском.

35. Рункевич, С. История Минской Архиепископии (1793–1832 гг.) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских уни-

атов с Православною Церковью в 1794–1796 гг. / С. Рункевич. – С.-Петербург : Типография А. Катанского и К°, 1893. – 572 с.

36. Стрельбицкий, И., священник. Униатские церковные Соборы с конца XVI века до воссоединения униатов / священник И. Стрельбицкий. – Одесса : Типо-хромолитография Е.И. Фесенко, 1891. – С. 164 с.

37. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 / Е.Н. Филатова. – Минск : Бел. наука, 2006. – 192 с.

38. Филевич, И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке / И.П. Филевич. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1891. – 31 с.

39. Фотинский, О. Иоанн Красовский, униатский архиепископ Полоцкий и Луцкий / О. Фотинский // Литовские Епархиальные Ведомости. – 1894. – № 15. – С. 128–131.

40. Charkiewich, Jaroslaw. Powrót unitów diecezji litewskiej i białoruskiej do prawosławia na soborze połockim 1839 roku / Jaroslaw Charkiewich // Rocznik Teologiczny, T. 55. – 2013. – № 1–2. – S. 119–137.

41. Radwan, M. Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ИОСИФА (СЕМАШКО):
ДОКУМЕНТЫ, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА**

*Е. Н. Филатова
(Минск, Беларусь)*

Ни одна из работ, посвященная истории конфессий западных губерний Российской империи, периода 30 – 60 гг. XIX в., не оставляет

без внимания такую личность как Литовский православный митрополит Иосиф Семашко. Несомненно, это был неординарный человек, вызывавший интерес не только у современников, но и у последующих поколений. Исследователи привлекли широкий круг различных источников: большое количество архивных документов, воспоминаний, переписки, дневников, рецензий, некрологи, которые были опубликованы не только в книгах, но и в периодической печати, как на территории белорусско-литовских губерний, так и в Москве, Петербурге. В них можно выделить несколько направлений: 1. политический аспект; 2. духовная деятельность; 3. личность и жизненный путь митрополита, его отношения с родными, друзьями и знакомыми.

Политический аспект связан со значительным событием XIX в., которое имело не только конфессиональное, но и политическое значение – присоединение (ликвидация или воссоединение) униатов к православию в 1839 г. В 1836 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Министр внутренних дел Д. Блудов в своем докладе на заседании комитета, обосновывая идею ликвидации унии, высказался, что необходимо «преобразовать их из полу-поляков – римских католиков, в верных сынов нашей церкви и России и тем самым поставить сильный оплот враждебным покушениям злоумышленников, может быть ещё мечтающих о разделении» [19, л. 8 оборот - 9]. Документы по этому аспекту в нескольких фондах в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга: фонд 823 канцелярия митрополитов греко-униатских церквей, ф. 796 канцелярия Св. Синода, ф. 797 канцелярия обер-прокурора Св. Синода, ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД; Государственном историческом архиве Литвы: ф. 634 Литовская греко-униатская духовная кансистерия, ф. 605 – Литовская (Виленская) духовная консистория; отделе рукописей библиотеки АН Литвы – ф.41 – Литовская православная консистория; в Национальном историческом архиве Беларуси: